48 9/44

А-3848 9/44

А. Левшинъ.

Партизаны въ Отечественную войну.

25157 р

Юбилейное изданіе журнала „Вѣрность“.

Цѣна 5 коп.

БИБЛІОТЕКА
Главнаго Управленія
[illegible] печати.
Москва № 1929
5500

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
468216

489
44
Государств. публичная историческая библиотека РСФСР
Инв. № 768216

Партизаны въ Отечественную войну.

Очеркъ А. Левшина.

467/5

Глава I.

Нѣсколько словъ о народной войнѣ и партизанахъ.

До Императора Петра Великаго, пока у насъ не было еще регулярной арміи, то-есть арміи въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы понимаемъ ее теперь, всякая война имѣла характеръ народной.

Какъ только наступалъ разрывъ съ какимъ-либо государствомъ, сейчасъ же изъ Москвы во всѣ концы Земли Русской посылались гонцы, съ приказаніемъ приготовляться къ военнымъ дѣйствіямъ и стягиваться, какъ можно скорѣе на тотъ или другой, заранѣе назначенный сборный пунктъ. Первыми, на призывъ Царя, являлись бояре съ вооруженными на ихъ счетъ холопами и челядинцами, дѣти боярскіе, затѣмъ мѣщане и посадскіе люди, очередные изъ вольныхъ крестьянъ-хлѣбопашцевъ и, наконецъ, разные охотники изъ „гультяевъ“, то-есть людей безъ опредѣленнаго мѣста проживанія, занятія и общественнаго положенія, но у которыхъ широкая, неудержимая русская удаль

просилась наружу, а руки чесались подраться съ кѣмъ?—это было для нихъ все равно, лишь бы подраться. Такихъ удальцовъ для которыхъ война была молодецкою забавой, въ русскомъ государствѣ всегда былъ уголъ непочатый. И вотъ такимъ-то образомъ въ старые годы собиралась армія прямо изъ народа, не имѣвшаго, конечно, ни малѣйшаго понятія о военномъ искусствѣ и правильныхъ дѣйствіяхъ въ бою.

Вооружена была эта армія—кому чѣмъ Богъ послалъ: начиная отъ щегольскихъ латъ съ золотою насѣчкой, кольчугъ, шеломовъ и мечей, съ чудесными дамасскими клинками, и кончая „сермяжными бронями", стеганными на хлопьяхъ, топорами и даже родными дубинами.

Въ такой скороспѣлой арміи, конечно, и помину не было о современныхъ корпусахъ, дивизіяхъ, бригадахъ и т. п., а вмѣсто этого главный воевода (т.-е. по теперешнему, главнокомандующій арміей), благословясь, какъ Богъ на душу положитъ, на глазомѣръ дѣлилъ свою пеструю рать на слѣдующія немудрыя части: полкъ *правой руки*, полкъ *лѣвой руки* и *большой полкъ*. Конечно, по количеству эти полки были совсѣмъ не то, что нынѣшніе: сколько бы въ тогдашней рати ни было людей—дѣленіе на три полка оставалось безъ измѣненія. Значитъ, слово полкъ въ тѣ времена было лишь только названіемъ, а отнюдь не строго опредѣленной по количеству боевой единицей; онъ могъ имѣть въ своихъ рядахъ и двѣ тысячи и двадцать тысячъ человѣкъ.

Большой полкъ въ тѣ времена игралъ роль главныхъ силъ; онъ занималъ всегда центръ позиціи, шелъ въ походѣ впереди и по коли-

честву людей на много превосходилъ остальные полки, служившіе ему флангами.

Когда же въ Россіи появилась артиллерія, или по тогдашнему *нарядъ*, то орудія и прислуга,—„пушкари“, слѣдовали также при большомъ полку.

По мѣрѣ вступленія въ раіонъ военныхъ дѣйствій, большой полкъ выдѣлялъ изъ своего состава *сторожевой* полкъ, который шелъ во главѣ всей арміи, наблюдалъ впереди лежащую мѣстность, высылалъ дозоры; однимъ словомъ, игралъ роль современнаго авангарда.

Вмѣсто нашихъ унтеръ-офицеровъ и офицеровъ всѣхъ ранговъ въ тогдашней арміи были: десятники, сотники, тысяцкіе и т. д.

Въ бой бросались тогда, хотя и дружно, но вразсыпную и всякій дѣйствовалъ по собственному усмотрѣнію, соблюдая лишь одну великую воинскую заповѣдь, имѣющую силу и теперь, и которая будетъ въ силѣ до скончанія вѣковъ: „другъ друга выручай“.

Но, несмотря на такую необученность тогдашнихъ нашихъ армій, и въ тѣ далекія времена наши предки отличались и мужествомъ, и упорствомъ въ бояхъ. Такъ, напримѣръ: въ знаменитомъ Грюнвальдскомъ бою, гдѣ въ числѣ поляко-литовцевъ было нѣсколько и русскихъ дружинъ закованные съ ногъ до головы въ стальные доспѣхи ливонскіе рыцари, дѣйствовавшіе въ стройномъ порядкѣ по всѣмъ правиламъ тогдашняго военнаго искусства, изумлялись непоколебимой стойкости и беззавѣтному мужеству нашихъ сермяжныхъ воиновъ, растрепавшихъ таки, въ концѣ концовъ, монаховъ-рыцарей въ пухъ и прахъ..

По окончаніи войны всѣ ратники распускались по домамъ. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный, о жестокомъ характерѣ котораго сохранилось столько былей, а еще болѣе того небылицъ, но который, тѣмъ не менѣе, заботился о мощи и славѣ Россіи и не позволялъ никому изъ иностранныхъ государей наступать себѣ на ногу, первый ввелъ у насъ нѣчто похожее на регулярную армію. Онъ учредилъ стрѣлецкіе полки, уже имѣвшіе опредѣленное устройство, опредѣленный уставъ и представлявшіе изъ себя стройную боевую силу.

Званіе стрѣльца было послѣдственнымъ и сынъ продолжалъ службу своего отца.

Въ послѣдующія царствованія у насъ постепенно формировались полки драгунскіе, рейтарскіе, солдатскіе и даже наемные „изъ нѣмцевъ“ [1]) мушкатерскіе, но все-таки и ихъ было мало для Россіи, уже и тогда громадной по протяженію и, въ случаѣ войны, рать собиралась попрежнему.

Но вотъ на престолѣ Россіи появляется геніальный Царь-исполинъ, Великій Петръ, и изъ малышей „потѣшныхъ“, сподвижниковъ его дѣтскихъ забавъ, возникаютъ первые русскіе гвардейскіе полки—Преображенскій и Семеновскій, а за ними, со сказочной быстротой, по мановенію руки „чудотворца-исполина“ и остальная наша *регулярная* армія въ составѣ всѣхъ трехъ родовъ оружія: кавалеріи, артиллеріи и пѣхоты и, при томъ, армія, вполнѣ достаточная для обороны государства отъ внѣшнихъ враговъ; съ внутренними Великій Императоръ не

---

[1]) До Петра Великаго всѣхъ иностранцевъ у насъ называли „нѣмцами“.

церемонился и расправлялся съ ними по своему.

Со введеніемъ у насъ *постоянной* регулярной арміи, прежній, первобытный способъ созыва войскъ передъ самымъ началомъ войны прямо отъ сохи, естественно долженъ былъ исчезнуть самъ по себѣ, ибо защитники государства всегда на-лицо и каждый часъ готовы грудью встрѣтить противника.

Казалось бы, съ перваго взгляда, что послѣ этого самое слово „народная война“ должно было неминуемо изгладиться изъ людской памяти, но опытъ послѣдующихъ лѣтъ показалъ, что именно съ этихъ-то поръ народная война и начала пріобрѣтать свой страшный, кровавый смыслъ. И это вполнѣ понятно.

Предположимъ, что между двумя государствами начинается война. Армія одного изъ нихъ наступаетъ, армія другого обороняется. Допустимъ, далѣе, что по тѣмъ или инымъ причинамъ (напримѣръ—численнаго превосходства) наступающая армія начинаетъ тѣснить противника. Обороняющаяся, хотя и съ непрерывными боями, но, волей-неволей, должна отступать. Прямая цѣль наступающей арміи—какъ можно упорнѣе преслѣдовать противника, по возможности скорѣе нанести ему рѣшительное пораженіе и заключить потомъ наиболѣе выгодный для себя миръ. Съ этой цѣлью наступающая армія должна, конечно, вступить на непріятельскую территорію и продолжать дальнѣйшее движеніе по ней.

Между тѣмъ всесильная смерть коситъ обильную жатву. Ея ближайшіе помощники: пули, ядра, штыки, сабли, а еще болѣе того—разныя

болѣзни вырываютъ изъ рядовъ сотни и тысячи бойцовъ съ той и другой стороны.

Дни и недѣли проходятъ; люди гибнутъ, а, между тѣмъ, жребій войны еще неопредѣленно колеблется въ ту и другую сторону на вѣсахъ слѣпой судьбы. Война грозитъ затянуться на неопредѣленное время. Обороняющаяся армія подавляется превосходною численностью наступающей, наконецъ изнемогаетъ. Государству грозитъ опасность. Вотъ въ такія-то трудныя минуты съ высоты Императорскаго трона раздаются вѣщія слова Монарха, призывающія мирно трудящееся населеніе промѣнять косу и плугъ на ружье и саблю въ защиту родины. И это, такъ сказать, представляетъ первый періодъ народной войны, такъ называемое „народное ополченіе“. Здѣсь ополченецъ „съ крестомъ въ сердцѣ, съ оружіемъ въ рукахъ“ дерется бокъ о бокъ съ солдатомъ регулярной арміи. Само собою разумѣется, что съ этого момента война принимаетъ болѣе ожесточенный характеръ, ибо ополченцы, оторванные отъ своего мирнаго труда, отъ своихъ домашнихъ очаговъ, отъ своихъ семей, естественно разгораются ненавистью къ врагу, топчущему и уничтожающему нивы, политыя ихъ потомъ, жгущему ихъ дома, расхищающему ихъ имущество—плодъ неустанныхъ трудовъ нѣсколькихъ поколѣній.

Но и это еще не все.

Наступающая армія, идя по непріятельской землѣ, сразу попадаетъ въ невыгодное положеніе въ смыслѣ продовольствія. Провіанта и всѣхъ другихъ жизненныхъ припасовъ для людей и лошадей ежедневно требуется огромное количество; приходится покупать у мѣстныхъ жителей. Но не во всякой странѣ жители одер-

жимы недугомъ наживы. Бываютъ государства, гдѣ патріотически настроенное населеніе ни за что не продастъ непріятелю даже ковриги хлѣба, или мѣшка овса уже по одному тому, что это врагъ.

Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ наступающему врагу, по необходимости, приходится пользоваться правомъ сильнаго. Съ этою цѣлью отъ главной арміи во всѣ стороны посылаются отряды фуражировъ, которые и отбираютъ провіантъ у жителей силой, иногда платя все-таки за него деньги, а иногда и не платя. Конечно, такой способъ продовольствія арміи едва ли можетъ способствовать обоюдной симпатіи между непріятелемъ и мѣстнымъ населеніемъ. Далѣе: во всякой арміи, какъ бы прекрасно дисциплинирована она ни была, всегда найдутся нѣсколько мерзавцевъ, которые, кромѣ отбиранія у мирныхъ жителей провіанта и скота, на что иногда вынуждаетъ суровый законъ необходимости, не прочь попользоваться и другимъ ихъ имуществомъ, уже ничего общаго съ продовольствіемъ не имѣющимъ; напримѣръ: деньгами, цѣнными вещами, которыя и легки и укладисты.

Такіе солдаты-грабители называются на военномъ языкѣ мародерами.

Дурной примѣръ заразителенъ, а легкая добыча заманчива.

Мародерство, въ началѣ войны представляя лишь единичныя явленія, можетъ, если не пресѣчь зло въ началѣ, стать повальной болѣзнью арміи, которая начнетъ истощать и разлагать, здоровый дотолѣ организмъ ея.

Чѣмъ болѣе развивается мародерство, тѣмъ болѣе ожесточается мирное населеніе и гибель

таковой арміи, хотя бы и предводимой величайшимъ военнымъ геніемъ, становится лишь вопросомъ времени, ибо тогда начинается всеобщая народная война; война страшная, грозная, какъ Божій гнѣвъ; война, гдѣ не просятъ пощады, не даютъ ея.

Какъ бы геніаленъ ни былъ полководецъ, но онъ можетъ воевать лишь *съ арміей* непріятеля и въ силу своего таланта наносить ей пораженіе за пораженіемъ, но когда ему приходится двигаться по странѣ, населенной ожесточенными мародерствомъ жителями, гдѣ каждый камень, каждый кустъ, каждое дерево скрываетъ притаившагося недруга, пылающаго мщеніемъ— тамъ всякій геній поневолѣ растеряется и начнетъ дѣлать такіе ошибки и промахи, которые были бы непростительны и самому заурядному ротному командиру.

Таковы законы войны. Такъ было отъ вѣка, такъ будетъ всегда. Такъ же было и въ памятный для Россіи годъ Отечественной войны.

Армія Наполеона была безусловно прекрасной; она отличалась безукоризненной храбростью, слѣпымъ повиновеніемъ своему верховному вождю, была предводима талантливыми маршалами—достойными сподвижниками своего великаго императора, но... она же носила сама въ себѣ зародыши своего разложенія.

Главнѣйшей причиной этого было то обстоятельство, что въ великой арміи на грабежъ и мародерство, если и не смотрѣли совсѣмъ сквозь пальцы, то, во всякомъ случаѣ, наказывали за эти преступленія не такъ, какъ слѣдовало бы.

Это постыдное попустительство къ грабежу и сыграло для Наполеоновской арміи свою роковую роль.

Глава II.

Партизаны въ 1812 г.

Многія историческія причины, подъ вліяніемъ которыхъ зарождалось, росло и крѣпло наше казачество, сдѣлали этотъ родъ войска весьма полезнымъ и незамѣнимымъ для партизанскихъ дѣйствій. И въ самомъ дѣлѣ, что нужно для партизанскаго отряда? Самымъ главнымъ и основнымъ его качествомъ должна быть наибольшая подвижность, дѣлающая его неуловимымъ, ибо эта-то неуловимость и есть самое страшное и опасное для непріятеля свойство партизанскаго отряда.

Гдѣ прошелъ одинъ всадникъ, или пѣшеходъ, тамъ долженъ пройти и весь отрядъ. Далѣе, каждый партизанъ долженъ обладать хорошо развитою памятью на мѣстность, иначе говоря гдѣ бы ни пришлось ему дѣйствовать: въ лѣсу ли, въ степи ли, въ поляхъ ли—онъ долженъ, быстро осмотрѣвшись, взять сразу вѣрное направленіе и идти къ цѣли кратчайшимъ путемъ, не колеся напрасно вокругъ да около. Хорошій партизанъ, хоть разъ побывавшій въ какой-либо мѣстности, уже потомъ безошибочно опознаетъ ее во всякое время дня и ночи. Глазомѣръ и зоркость также неразлучны съ партизаномъ; отъ его соколинаго взгляда не укрыться ни конному, ни пѣшему, а его чуткое ухо воспринимаетъ малѣйшій шорохъ и заставляетъ насторожиться. Излишне уже будетъ говорить о томъ, что партизанъ долженъ быть храбръ, неприхотливъ въ пищѣ, а, главное, выносливъ. При его вѣчной подвижности некогда думать о разносолахъ, а если есть черный хлѣбъ

съ сольцей, да водица изъ ручейка, такъ и то слава Богу; про горячую пищу приходится иногда забывать надолго, потому что для нея нуженъ прежде всего огонь, а его-то сплошь да рядомъ и нельзя бываетъ разводить партизанамъ, чтобы непріятель не заподозрилъ о ихъ близости и тѣмъ самымъ не получилъ возможность налетѣть на него, какъ снѣгъ на голову. Некогда думать имъ и о тепломъ, удобномъ ночлегѣ, потому что цѣлые недѣли и мѣсяцы у партизановъ „покровъ—небесный сводъ, а земля—постель".

Безпрерывныя войны въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій выработали въ нашихъ казакахъ всѣ эти качества въ высокой степени и сдѣлали изъ нихъ прирожденныхъ партизановъ. Въ особенности незамѣнимы они для сторожевой и развѣдочной службы.

Чѣмъ дальше уходила армія Наполеона въ глубь Россіи, тѣмъ все болѣе и болѣе расширялась у насъ партизанская война.

Впослѣдствіи къ казакамъ стали присоединяться команды охотниковъ изъ легкой кавалеріи, то-есть, изъ уланъ, драгунъ и гусаровъ и легкой пѣхоты (егерей), а въ еще болѣе позднѣйшій періодъ Отечественной войны и охочіе люди изъ помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ и народная война закипѣла во всю русскую мощь и ширь. Артиллерія рѣдко входила въ составъ партизанскихъ отрядовъ, въ особенности небольшихъ по числу, потому что орудія съ передками и зарядными ящиками лишь тормозили бы ихъ вѣчное передвиженіе съ мѣста на мѣсто: тяжелая кавалерія (кирасиры) тоже не была пригодна для подобнаго рода дѣйствій.

Партизанская война въ 1812 году, судя по новѣйшимъ архивнымъ изысканіямъ, началась гораздо раньше, чѣмъ объ этомъ обыкновенно думали до сихъ поръ, и началась тамъ, гдѣ ее меньше всего можно было ожидать, а именно— въ третьей обсерваціонной арміи генерала-отъ-кавалеріи Тормасова, почти вслѣдъ за вступленіемъ Наполеона въ предѣлы Россіи.

Армія генерала Тормасова, какъ извѣстно, имѣла назначеніе слѣдить за австрійскимъ корпусомъ Шварценберга и саксонскимъ—Ренье. 5 іюля 1812 года она получила Высочайшее повелѣніе слѣдовать въ тылъ австро-саксонской арміи, двинувшейся противъ князя Багратіона, съ цѣлью помѣшать его соединенію съ 1 западной арміей Барклая-де-Толли.

Въ составѣ авангарда арміи Тормасова, между прочимъ, былъ донской казачій, подполковника Барабанщикова 2 *), полкъ и Лубенскій гусарскій. Изъ общихъ силъ авангарда, состоявшаго подъ командой генералъ-маіора Чаплица, былъ выдѣленъ отдѣльный передовой отрядъ шефа Лубенскаго гусарскаго полка генералъ-маіора Мелиссино. Въ этомъ передовомъ отрядѣ съ небольшой командой охотниковъ-донцовъ находился будущій герой-хорунжій Хмаринъ.

Цѣлью этого отряда было производство демонстрацій между мѣстечкомъ Яновымъ и городомъ Пинскомъ противъ генерала Ренье, для облегченія движенія Тормасова къ г. Кобрину, Гродненской губерніи. 10 іюля храбрый хорун-

---

*) Тогда донскіе казачьи полки именовались по фамиліямъ своихъ командировъ, а не по номерамъ, какъ теперь.

жій Хмаринъ съ нѣсколькими лубенскими гусарами произвелъ усиленную рекогносцировку сильной саксонской позиціи при дер. Кужелиничахъ на рѣкѣ Пинѣ. Атака этой позиціи передовымъ отрядомъ генерала Мелиссино произошла въ ночь съ 11 по 12 іюля. Удалая команда Хмарина изъ казаковъ и гусаръ въ первую голову переправилась, частью вбродъ, частью вплавь, черезъ рѣку Пину и съ безумной дерзостью бросилась на саксонцевъ.

Подъ прикрытіемъ этой молодецкой атаки 32 егерскій полкъ, переправясь черезъ Пину на плотахъ, въ свою очередь ударилъ на непріятеля и овладѣлъ весьма важнымъ пунктомъ саксонской позиціи. 12 іюля генералъ Мелиссино выслалъ изъ Кужелиничей Хмарина всего съ семью казаками и двадцатью гусарами къ дер. Дубою съ приказаніемъ развѣдать о непріятелѣ. Хмаринъ и „развѣдалъ“. Выслѣдивъ у дер. Дубоя передовые непріятельскіе посты, онъ со своимъ, съ позволенія сказать, „отрядомъ“ бросился на сильный саксонскій пикетъ и, „не взирая на сильное сопротивленіе, личною храбростью и расторопностью своею, положа на мѣстѣ съ непріятельской стороны не малое число убитыхъ, четырехъ успѣлъ взять въ плѣнъ и въ самой скорости доставить къ генералъ-маіору Мелиссино въ лагерь, не потерявъ съ своей стороны ни одного человѣка“.

Все время, пока дѣйствовала третья обсерваціонная армія, хорунжій Хмаринъ безпрерывными, смѣлыми до дерзости, налетами не давалъ покоя корпусу Ренье.

Извѣстно, что генералъ Тормасовъ былъ страшно скупъ на похвалы и награды, но, тѣмъ не менѣе, даже и онъ такъ отзывался о Хмаринѣ:

...„будучи чрезъ все время боленъ, изъ одного усердія къ службѣ истощалъ послѣднія свои силы, чтобы быть во всѣхъ случаяхъ полезнымъ, гдѣ только былъ когда командированъ, и съ самымъ малымъ числомъ казаковъ, отходя иногда за сорокъ верстъ въ партіи, исполняя все съ успѣхомъ, доставлялъ наисправедливѣйшія свѣдѣнія о всѣхъ движеніяхъ непріятельскихъ".

Ужъ если Тормасовъ такъ отзывался о Хмаринѣ, значитъ, онъ лихой былъ удалецъ!

Хорунжаго Хмарина, такимъ образомъ, нужно считать первымъ нашимъ партизаномъ въ Отечественную войну; онъ и его отрядъ, такъ сказать, послужили первообразомъ для всѣхъ послѣдующихъ партизановъ.

До самаго послѣдняго времени господствовало общее убѣжденіе, что народная и партизанская войны въ 1812 году получили самое широкое распространеніе лишь въ районахъ дѣйствій первой и второй армій послѣ ихъ соединенія подъ Смоленскомъ. Но это не совсѣмъ такъ.

Примѣръ хорунжаго Хмарина убѣдительно доказываетъ, что партизанская война зародилась въ нѣдрахъ третьей арміи генерала Тормасова; зарожденіе же народной войны, въ полномъ смыслѣ этого слова, произошло совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ—внѣ дѣйствій всѣхъ трехъ главныхъ армій.

Мы уже знаемъ изъ исторіи Отечественной войны, что кромѣ армій Барклая-де-Толли, князя Багратіона и Тормасова, для обороны путей на Псковъ и Петербургъ былъ отряженъ отдѣльный корпусъ графа Витгенштейна, которому приходилось дѣйствовать противъ марша-

ловъ—Макдональда, Удино и, впослѣдствіи, еще Сенъ-Сира.

Въ районѣ дѣйствій этого-то корпуса и вспыхнула первая искра народной войны, разросшаяся впослѣдствіи въ стихійное пламя, охватившее болѣе половины нашей родины.

Немного въ сторонѣ отъ дороги, соединяющей городъ Полоцкъ и Себежъ, то-есть какъ разъ той, за которой долженъ былъ наблюдать графъ Витгенштейнъ, находилась небольшая деревушка Жарцы, всего въ 22 дворика.

Въ то время, какъ всѣ сосѣднія деревни приняли къ себѣ французовъ и безпрекословно снабжали ихъ провіантомъ и фуражемъ, одна лишь деревня Жарцы, въ лицѣ своихъ 22-хъ крестьянъ-домохозяевъ, не только не снабжала французовъ ничѣмъ, но и поголовно ополчилась противъ нихъ, несмотря на то, что деревушка находилась всего лишь въ пятнадцати верстахъ отъ главной квартиры маршала Удино. Подъ предводительствомъ своего же однодеревенца, крестьянина Максима Маркова, обитатели Жарцовъ смѣло вступили въ открытую борьбу съ французами *).

Само собою разумѣется, что герои-крестьяне не могли вступить въ настоящій бой съ цѣлымъ корпусомъ Удино, но изъ устраиваемыхъ ими засадъ они безпрестанно нападали на небольшіе

---

*) Имена 22 крестьянъ-героевъ: Петръ Яковлевъ, Антонъ Афанасьевъ, Филиппъ Кузьминъ, Петръ Орѣховъ, Трофимъ Харитоновъ, Меркурій Кирилловъ, Аверьянъ Кирилловъ, Иванъ Александровъ, Ѳома Александровъ, Иванъ Афанасьевъ, Максимъ Кузьминъ, Корнѣй Ивановъ, Иванъ Афанасьевъ 2-й, Карпъ Афанасьевъ, Борисъ Марковъ, Максимъ Марковъ, Прохоръ Максимовъ, Прохоръ Кондратьевъ, Александръ Кондратьевъ, Харитонъ Ивановъ, Климъ Сильвестровъ, Иванъ Климовъ.

французскіе отряды, разъѣзды, на фуражировъ, на обозы, на фельдъегерей и колотили ихъ безъ милосердія.

Дѣятельность жарцовскихъ героевъ была настолько полезна, что графъ Витгенштейнъ донесъ о нихъ Государю Императору, прося наградить храбрыхъ крестьянъ.

По ходатайству графа, имъ Высочайше было пожаловано право ношенія на шапкахъ ополченскихъ крестовъ *навсегда*, хотя они, собственно, и не состояли ни въ какомъ ополченіи; награда, по тому времени, выдающаяся, ибо ополченцы, возвращаясь на родину, уже не имѣли права носить эти кресты.

468218

Но этого мало. Графъ Витгенштейнъ представилъ всѣхъ этихъ героевъ къ награжденію серебряными медалями на андреевской лентѣ „Всемилостивѣйше установленными Государемъ Императоромъ за подвиги, храбрыми Россійскими войсками въ 1812 году, оказанные“.

Барклай-де-Толли, къ которому направлено было это представленіе, тоже сталъ на сторону добровольцевъ-партизановъ, „кои въ 1812 году, когда окрестныя деревни заняты были непріятелемъ, они деревню свою защищали отъ нападенія непріятеля и участвовали вмѣстѣ съ казаками въ побѣдахъ надъ непріятелемъ, а равно находились въ сраженіи при взятіи штурмомъ города Полоцка“.

Медали, по ходатайству главнокомандующаго, были выданы всѣмъ жарцовскимъ крестьянамъ.

Надо сказать, что серебряныя медали на андреевской лентѣ въ память Отечественной войны въ тѣ времена цѣнились очень высоко, почти наравнѣ съ георгіевскими крестами.

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

Даже полковые священники, врачи и вообще всѣ нестроевые и чиновники получали эту медаль лишь въ томъ случаѣ, если они принимали непосредственное участіе въ бою и то каждый разъ съ особаго разрѣшенія Императора Александра. Значитъ же, велика была заслуга жарцовскихъ крестьянъ-партизановъ. Слѣдующимъ, по времени сформированія, нужно считать партизанскій отрядъ генерала барона Винценгероде, уже въ арміи Барклая-де-Толли. Отрядъ этотъ, состоявшій изъ Казанскаго драгунскаго полка (команд. полк. Юрчовъ), Ставропольскаго калмыцкаго (команд. капит. Діомидій) и казачьихъ—генералъ-маіора Иловайскаго 4 (команд. эсаулъ Протопоповъ), полковника Иловайскаго 12, генералъ-маіора Краснова (команд. войсковой старшина Чернозубовъ 8), отдѣлился отъ главныхъ силъ еще не доходя Смоленска и пошелъ на Духовщину и затѣмъ уже все время двигался параллельно съ главной арміей Наполеона, нанося ей болѣе или менѣе значительный вредъ. Когда же французы заняли Москву—отрядъ Винценгероде сталъ на дорогахъ, ведущихъ на Клинъ и Тверь; то есть прикрылъ пути на Петербургъ. Казаки его отряда рыскали почти у самыхъ московскихъ заставъ, забирали массу плѣнныхъ, отбивали обозы съ провіантомъ и тѣмъ страшно стѣснили продовольствіе великой арміи.

Бывшіе въ отрядѣ офицеры московской полиціи, переодѣтые крестьянами, живали по нѣсколько дней среди непріятеля на развалинахъ сожженной столицы, развѣдывали и узнавали все, что тамъ было нужно и доносили начальнику отряда, а генералъ Винценгероде, въ свою очередь, обо всемъ увѣдомлялъ и Императора

Александра, и князя Кутузова. Въ этомъ отношеніи заслуга Винценгероде неоцѣнима, потому что изъ всей русской арміи онъ ближе всѣхъ находился къ французамъ во время пребыванія ихъ въ Москвѣ и, слѣдовательно, могъ доставлять о нихъ самыя животрепещущія свѣдѣнія.

Къ сожалѣнію, излишняя запальчивость прекратила полезную дѣятельность генерала Винценгероде въ самомъ ея разгарѣ. Узнавъ отъ плѣнныхъ, что Наполеонъ, уходя изъ Москвы, приказалъ маршалу Мортье взорвать Кремль, Винценгероде, всего лишь съ однимъ казакомъ и адъютантомъ, очертя голову, поскакалъ въ Москву съ намѣреніемъ лично переговорить съ Мортье и попросить его не приводить въ исполненіе варварскій приказъ Наполеона, а если просьбы не помогутъ, то пригрозить разстрѣлять всѣхъ плѣнныхъ французовъ. Благое его намѣреніе имѣло грустныя послѣдствія—онъ самъ попалъ въ плѣнъ; французы придрались къ тому, что имъ не были соблюдены парламентерскіе обычаи: не было трубача и бѣлаго флага. (И это просвѣщенные европейцы!)

Представленный лично Наполеону уже въ Городнѣ, Винценгероде едва не былъ разстрѣлянъ имъ, но кое какъ сумѣлъ увернуться отъ казни и былъ, въ качествѣ плѣнника, отправленъ во Францію, но по дорогѣ отбитъ донцами.

Говоря объ отрядѣ генерала Винценгероде, нельзя умолчать о другомъ таковомъ же отрядѣ, который, подобно предыдущимъ 22 героямъ-крестьянамъ деревни Жарцовъ, до сихъ поръ оставался въ неизвѣстности. Мы говоримъ о партизанскомъ отрядѣ подполковника барона Дибича I. Отрядъ этотъ состоялъ всего лишь

изъ резервнаго эскадрона Оренбургскаго драгунскаго полка, да небольшой команды Донского казачьяго генералъ-маіора Краснова I полка. Да и эти-то силы подполковника Дибича были болѣе, чѣмъ въ плачевномъ состояніи: въ эскадронѣ Оренбургскихъ драгунъ было, напримѣръ, на три офицера, три унтеръ-офицера, трубача, десять рядовыхъ инструкторовъ и 120 *рекрутъ* всего лишь сорокъ верховыхъ лошадей. Въ этомъ же отрядѣ находились и многіе охотники изъ гражданскихъ чиновниковъ и офицеровъ, оставшихся по разнымъ причинамъ въ Смоленской губерніи, послѣ ухода изъ нея нашей арміи.

Отрядъ этотъ былъ, правда, не великъ, но дѣйствовалъ дружно, сплоченно, а главное, весьма умѣло. Онъ не надѣялся ни на какія награды, не думалъ даже сдѣлаться извѣстнымъ (какъ это и случилось до текущаго года), но дѣйствовалъ единственно лишь одушевленный любовью къ Родинѣ и Царю.

Каковы были люди въ отрядѣ Дибича—рисуетъ такой фактъ: почтмейстеръ станціи Бабиновичей, Могилевской губерніи, Федоръ Федоровичъ Шостаковъ, не получившій при нашествіи непріятеля никакого распоряженія отъ начальства касательно своей конторы, „спасая казенный интересъ“, вывезъ въ Смоленскую губернію казенное имущество и дѣла на свои средства, лишившись при этомъ всего собственнаго достоянія „и, не хотя быть праздным, присоединился къ отряду подполковника барона Дибича I, будучи всегда въ виду; по добровольной охотѣ и усердію къ отечеству, ѣздилъ съ командами въ партіи, по извѣстности ему деревень и мѣстоположенія въ сей губер-

ніи, былъ поводомъ къ ловленію непріятельскихъ мародеровъ, съ духомъ истиннаго вѣрноподданничества и отчаяніемъ вмѣстѣ съ воинами нападалъ на непріятеля, убивалъ и бралъ въ плѣнъ".

Нужно ли говорить о томъ, что Императоръ Александръ съ избыткомъ вознаградилъ Шостакова за потерянное имъ достояніе.

Вся отважная дружина подполковника Дибича состояла изъ такихъ Шостаковыхъ; потому-то, можетъ быть, она и дѣйствовала такъ лихо. Пока отрядъ генерала Винценгероде дѣйствовалъ въ предѣлахъ Смоленской губерніи, дружина Дибича могла еще разсчитывать на какую либо помощь, но съ уходомъ его помощи ждать стало неоткуда, и партизаны Дибича оказались отрѣзанными отъ всей нашей арміи. Это не обезкуражило героевъ и, въ продолженіи трехъ съ половиною мѣсяцевъ, то есть по 20 ноября 1812 года, небольшой отрядецъ Дибича былъ истиннымъ бичемъ французовъ. Заслуга этого отряда тѣмъ болѣе достойна величайшей похвалы и признательности, что ему все время приходилось дѣйствовать между двухъ огней: всю Смоленскую губернію занимали войска маршала Виктора, по ней же двигались массы резервовъ непріятельской арміи, ибо Смоленскъ былъ главнымъ этапнымъ пунктомъ Наполеона на пути отъ Вильны до Москвы. Все время отряду Дибича грозили: съ одной стороны, маршалъ Викторъ, съ другой—тылъ великой арміи. Но несмотря на такія стѣсненныя обстоятельства, отрядъ, отрѣзанный отъ всей арміи, окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ ускользалъ изъ рукъ

французовъ, нанося въ то же время имъ весьма чувствительный вредъ.

Барклай-де-Толли, донося Императору Александру о дѣйствіяхъ отряда Дибича, выражался такъ: „...отрядъ сей дѣйствительно съ пользою употребленъ былъ во время отступленія арміи отъ Смоленска до Москвы и прикрывалъ разныя мѣста, на которыя имѣлъ покушеніе непріятель, будучи всегда сей послѣдній отрядомъ отражаемъ“. Императоръ Александръ на это донесеніе главнокомандующаго отвѣтилъ пожалованіемъ *пятидесяти* георгіевскихъ крестовъ для наиболѣе отличившихся чиновъ отряда подполковника Дибича*). Это, конечно, было для него самою лучшею и лестною наградой. (Пятьдесятъ георгіевскихъ крестовъ на двѣсти съ небольшимъ человѣкъ—это ли не награда! Это ли не подтвержденіе вѣковѣчной пословицы: „за Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадутъ!“). Примѣръ подполковника Дибича нашелъ себѣ достойныхъ подражателей въ Смоленской губерніи, имена которыхъ до сего времени также были преданы забвенію, но теперь заблистали, окруженные ореоломъ славы.

Пономарь церкви села Савенокъ, Сычевскаго уѣзда, Алексѣй Смирянинъ, во главѣ крестьянъ своего села, разбилъ на-голову большую партію французскихъ фуражировъ, пришедшихъ въ Савенки; собственноручно „ушибъ“ начальника партіи и отнялъ у него крестъ почетнаго легіона и „ландкарту въ четырехъ отдѣленіяхъ“.

Императоръ Александръ, къ кресту почетнаго легіона, присоединилъ храброму пономарю еще георгіевскій крестъ „за оказанное имъ му-

*) Самъ Дибичъ былъ 25-го егерскаго полка.

жество при прогнаніи непріятеля изъ своего села".

Стрѣлокъ первой гренадерской роты Московскаго пѣхотнаго полка Степанъ Еременко, отставшій отъ полка по причинѣ раны, полученной 5 августа подъ Смоленскомъ, точно такой-же подвигъ оказалъ во главѣ крестьянъ деревень Млекина и Ползина.

Еще болѣе замѣчательнымъ партизаномъ является рядовой Кіевскаго драгунскаго полка Ермолай Четвертаковъ.

Въ сраженіи при Царевѣ-Займищѣ подъ нимъ была убита лошадь, и спѣшенный Четвертаковъ попалъ въ плѣнъ къ французамъ, но, должно быть, они плохо караулили его, потому что черезъ три дня молодецъ-драгунъ уже улизнулъ изъ плѣна и прибѣжалъ въ деревню Басманы, Гжатскаго уѣзда, гдѣ изъ крестьянъ собралъ, вооружилъ и обучилъ отрядъ силою въ триста человѣкъ, въ числѣ которыхъ были и конные и пѣшіе.

Партизаны его отряда, по словамъ боевыхъ реляцій того времени, „были посылаемы *въ партіи* къ Колоцкому монастырю, къ селу Никольскому, что къ Медыни, которыми партіями взято и побито разными случаями французовъ: въ селеніи Семеновкѣ 50 и въ томъ же селеніи въ домѣ у священника сожгли 60 человѣкъ, а аммуницію съ нихъ взяли и вооружились оною; въ деревнѣ Скугоревой, когда непріятеля подступилъ цѣлый батальонъ съ двумя орудіями для разграбленія селенія и дома помѣщика Вопкина, тогда, по приказанію бурмистровъ, собралось съ вотчинъ графа Орлова-Денисова, князя Долгорукова и Вопкина 4000 человѣкъ на своихъ лошадяхъ, кои кинулись на оный батальонъ

и прогнали къ городу Гжатской пристани и не допустили разграбить селеніе и домъ помѣщика, при чемъ отбили 10 фуръ съ фуражемъ, 30 штукъ рогатаго скота и 20 овецъ. По прогнаніи онаго батальона, мужики прочіе были отпущены, а осталось только 300 человѣкъ (то-есть отрядъ Четвертакова), изъ коихъ для содержанія постовъ 150 человѣкъ и для разъѣздовъ 150 человѣкъ. Въ селеніи Кужовомъ собралось 400 человѣкъ французовъ, изъ нихъ взято 70 человѣкъ, коихъ и побили. Въ селеніи Цвѣтковѣ побили 50 человѣкъ. Въ селеніи Михайловкѣ побили одного офицера съ женою, 14 рядовыхъ и захватили 5 повозокъ съ фуражемъ и съ 6 подъ ними лошадьми. Подъ городомъ Гжатскою пристанью отбили двѣ пушки и одинъ патронный ящикъ съ ружейными патронами, которые не могли слѣдовать по усталости лошадей, побили трехъ часовыхъ, пушки затопили въ болотѣ, а патроны раздѣлили мужики по себѣ. И напослѣдокъ, когда наша армія шла за французами, при селеніи Дричевѣ побили 50 человѣкъ и т. д.“.

Храбрый Четвертаковъ за безконечныя „побитія“ французовъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры и награжденъ георгіевскимъ крестомъ.

Не лишнимъ будетъ вспомянуть добрымъ словомъ и еще одного, совсѣмъ забытаго партизана-гусара Самуся. Раненый въ бою подъ Валутиной горой и оставленный на полѣ сраженія, онъ, излечившись въ какой-то убогой деревушкѣ, тоже, благословясь, сталъ „партизанить“. Въ дѣлѣ „побитія“ французовъ, Самусь превзошелъ даже своего собрата по подвигамъ—Четвертакова. Его отрядъ состоялъ изъ

двухъ тысячъ крестьянъ-охотниковъ и имѣлъ даже одно конное орудіе, отбитое у французовъ—роскошь, которую позволяли себѣ немногіе партизанскіе отряды. Общее количество „изгаженныхъ“, по выраженію самого Самуся, его отрядомъ французовъ превышало три тысячи человѣкъ. Графъ Милорадовичъ, этотъ рыцарь безъ страха и упрека, котораго трудно было удивить какимъ-либо подвигомъ, произведя Самуся въ унтеръ-офицеры, ходатайствовалъ о дальнѣйшемъ его производствѣ, но, къ сожалѣнію, судьба этихъ ходатайствъ осталась неизвѣстной.

Подвиги Четвертакова и Самуся въ Смоленской губерніи нашли себѣ откликъ въ Мосальскомъ уѣздѣ Калужской губерніи, гдѣ тоже шлялось не мало французскихъ фуражировъ и мародерскихъ шаекъ.

Село Спасъ-Деменскій, бывшая тогда вотчина подполковника Михаила Петровича Нарышкина, особенно отличилась въ партизанской войнѣ въ предѣлахъ Калужской губерніи.

Бурмистръ вотчины Федоръ Анофріевъ и бывшій случайно въ отпускѣ въ томъ же селѣ „сокольникъ птичей Его Величества охоты оберъ-егермейстерскаго вѣдѣнія“, Василій Половцевъ собрали отрядъ въ 350 человѣкъ крестьянъ и навели такой страхъ на французскихъ фуражировъ и мародеровъ, что они не смѣли показаться, не только въ Спасъ-Деменскій, но и во всю округу на много верстъ. Да и было чего бояться, если въ стычкѣ при деревнѣ Чебышахъ, одинъ бурмистръ Анофріевъ зарубилъ двѣнадцать французовъ, при чемъ и самъ былъ раненъ.

Впослѣдствіи на подкрѣпленіе къ Половцеву и Анофріеву прибылъ четвертый пѣшій

казачій полкъ калужскаго ополченія, подъ начальствомъ полковника Яковлева. „По вступленіи полковника Яковлева съ полкомъ въ его штабъ-квартиру, сего имѣнія въ село Спасское, онъ, Половцевъ, показывалъ разныя услуги и усердіе въ развѣдываніи о непріятельскомъ положеніи и готовъ былъ всегда съ помощью того-жъ бурмистра Анофріева и съ отборными изъ крестьянъ Нарышкина стрѣлками и съ другими вооруженными людьми дать помощь на случившееся гдѣ либо на здѣшнія мѣста непріятельское сильное нападеніе, и при томъ Половцевъ имѣлъ большое попеченіе въ доставленіи всякаго спокойствія и вспомоществованія всѣмъ раненымъ и трудно-больнымъ полка, въ лазаретѣ того полка имѣвшимся“.

Половцевъ и Анофріевъ, удостоились награжденія георгіевскими крестами.

Всѣ партизаны, о которыхъ было сказано выше, начинали и продолжали свою дѣятельность въ первую, и самую трудную, половину Отечественной войны, то-есть до занятія Москвы французами, пока еще армія Наполеона была грозна и страшна. Поэтому въ исторіи нашей партизанской войны 1812 года, имъ, безспорно, принадлежитъ первое и самое почетное мѣсто.

Всѣ остальные наши славные партизаны начали свою дѣятельность лишь съ конца сентября 1812 года, тоесть, говоря иначе, съ того времени, когда въ великой арміи Наполеона уже ясно начали обнаруживаться и сильный упадокъ духа и не менѣе сильное разстройство и деморализація.

И во второмъ періодѣ Отечественной войны первое мѣсто въ партизанскихъ дѣйствіяхъ

принадлежитъ вихрю-атаману Платову съ его, ощетинившимися „дротиками“, сыновьями тихаго Дона Ивановича. Казаки, по словамъ даже самихъ французовъ, отъ Малоярославца и опять вплоть до Нѣмана, досаждали имъ, какъ слѣпни лошадямъ въ жаркій солнечный день, то есть не давали ни отдыху, ни сроку. Ни на одномъ бивакѣ и привалѣ, не только въ чистомъ полѣ, но даже и подъ защитою укрѣпленій и стѣнъ городовъ, не были безопасны французы отъ нападенія этихъ „назойливыхъ насѣкомыхъ“, какъ они называли нашихъ храбрыхъ донцовъ. Перечислять ихъ подвиги въ этотъ періодъ Отечественной войны—значило бы вновь описать исторію отступленія, или лучше сказать, бѣгство великой арміи изъ Россіи. Отдавъ должную дань признательности храбрымъ Донцамъ, мы должны воздать и другимъ по заслугамъ ихъ.

Храбрый генералъ Иванъ Степановичъ Дороховъ со своимъ отрядомъ, состоявшимъ уже изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія, тоже не мало подвизался на аренѣ партизанской войны. Однимъ изъ славнѣйшихъ его подвиговъ было—взятіе штурмомъ занятаго и укрѣпленнаго французами города Вереи, въ соборномъ храмѣ котораго и похоронили благодарные верейцы его бренные останки въ 1815 году. Кто изъ русскихъ людей не слыхалъ славныхъ именъ партизановъ А. В. Давыдова, А. Н. Сеславина и, въ особенности, А. С. Фигнера, этой грозы французовъ, одно имя котораго наводило на нихъ паническій ужасъ. Хотя нѣкоторые обвиняютъ Фигнера въ излишней жестокости, но вѣдь и то сказать — война не забава, а вѣчно подвижной партизанскій лагерь не богадѣль-

ня,—гдѣ тутъ особенно нѣжничать съ плѣнными и ранеными!

Денисъ Васильевичъ Давыдовъ „пламенный боецъ; онъ вихремъ въ бой кровавый, онъ въ мирѣ счастливый пѣвецъ вина, любви и славы“ и Александръ Никитичъ Сеславинъ, который „гдѣ не пролетитъ съ крылатыми полками—тамъ брошенъ въ прахъ и мечъ, и щитъ и устланъ путь врагами“, какъ о нихъ выразилъ; нашъ знаменитый поэтъ В. А. Жуковскій вся своемъ „Пѣвцѣ въ станѣ русскихъ воиновъ“.

Но списокъ славныхъ именъ партизановъ второго періода Отечественной войны не исчерпывается только этими четырьмя, т. е. Дорохова, Давыдова, Фигнера и Сеславина. Нужно было бы написать цѣлую книгу, чтобы пересказать имена и подвиги нашихъ партизановъ 1812 года. Имена: князя Вадбольскаго, Бенкендорфа, фонъ-Визина, князя Кудашева, Ефремова, Пренделя, Чернозубова, Побѣднаго, Фиглева занесены золотыми буквами на страницы исторіи нашей борьбы съ Наполеономъ и его двадцатью народами. Всю ихъ дѣятельность можно охарактеризовать въ немногихъ словахъ: они били, били и били безъ конца великую армію; били во всякое время и при всякихъ обстоятельствахъ, и, наконецъ, въ тѣсномъ единеніи съ нашими войсками, извели совсѣмъ.

Но это, такъ сказать, еще присяжные партизаны, а мало ли было добровольныхъ! Напримѣръ: исправникъ Богуславскій и отставной майоръ Емельяновъ въ Сычевскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи, а предводитель дворянства Каленовъ и городской голова Адамовичъ въ Бѣльскомъ уѣздѣ, а городской голова Полозовъ въ Рославльскомъ, а предводитель дворянства,

Храповицкій, дававшій со своими крестьянами французамъ правильныя сраженія, въ Росновскомъ уѣздѣ, а крестьянинъ Герасимъ Кузинъ, Богородскаго уѣзда, Вохпевской волости, а пономарь Василій Рагузинъ—села Рѣховскаго Волоколамскаго уѣзда, а священникъ Гавриловъ, Скобѣевъ и Мурзакевичъ, а пресловутая старостиха Василиса, а кружевница Прасковья; да мало ли было героевъ и героинь въ то трудное для нашей родины время!

Много ихъ передало потомству свои славныя имена, а еще болѣе того скрылось отъ насъ во мракѣ истекшаго столѣтія.

Вѣчная память этимъ героямъ, этимъ славнымъ и честнымъ труженикамъ на кровавой нивѣ Отечественной войны!

Они честно послужили родинѣ въ годину испытанія.

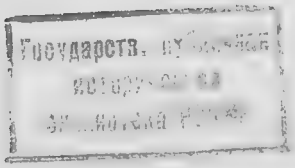
Они давно уже покончили свое земное поприще, но память о нихъ до скончанія вѣковъ не изгладится изъ сердца всякаго русскаго человѣка.

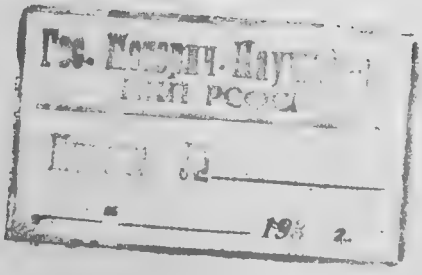
Они—наша слава, наша честь, наша гордость!

Намъ, имѣющимъ примѣры въ такихъ герояхъ-предкахъ, остается лишь быть твердо увѣренными, что если угодно будетъ Богу вторично послать такое испытаніе на нашу родину, то храбрые генералы Дороховы и Винценгероде, полковники Дибичи и Фигнеры, солдаты Самуси и Четвертаковы, священники Скобѣевы и Мурзакевичи, пономари Рагузины, и крестьяне Анофріевы и Половцевы, крестьянки Василисы и Прасковьи вновь воскреснутъ въ лицѣ своихъ потомковъ.

Да оно иначе и быть не можетъ, ибо, по закону наслѣдственности, духъ предковъ передается ихъ потомкамъ.

А. Левшинъ.





Къ столѣтію Отечественной войны.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія юбилейныя изданія журнала „Вѣрность“.

I. „Россія и Европа въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій“. *Б. В. Назаревскаго.* 48 стр. мал. форм. съ рисунками. Ц. 6 коп., съ пересылкой 8 коп.

II. „Александръ I Благословенный“. *Б. В. Назаревскаго.* Съ рисунк. Ц. 6 коп., съ пересылк. 8 коп.

III. „Наполеонъ“. *Б. В. Назаревскаго.* Съ рисунк. Ц. 6 коп., съ пересылк. 8 коп.

IV. „Русская армія въ эпоху Отечественной войны. *Г. Г. Г—скаго.* Съ рисунками. Ц. 6 коп., съ пересылкой 8 коп.

V. „По призыву Царя“, патріотическая пьеса въ 4 дѣйств. изъ народной войны 1812 г. *М. Косовца.* Ц. 10 к.

VI. Большая повѣсть въ стихахъ **А. СКРИНА** (А. В. Скрипицына) съ 15-ю рисунками худ. П. П. Першина: **КАВАЛЕРИСТЪ-ДѢВИЦА. Ц. 50 коп.**

VII. „Вожди Русской арміи въ 1812 г.: Кутузовъ, Барклай де-Толли, Багратіонъ“. Съ рис. Ц. 6 к.

VIII. „Вожди Русской арміи: Дохтуровъ, Коновницынъ, Невѣровскій, Милорадовичъ, Раевскій и др.“ Ц. 6 к.

IX. „Армія Наполеона и его маршалы". *Г. Г—скаго* Ц. 6 к.

X. „Оборона путей на Петербургъ". *М. А. Дормана* Ц. 6 к.

XI. „Смоленская страда". (Истор. очеркъ изъ временъ Отечествен. войны). *А. Левшина.* Ц. 6 к.

XII. „Смоленскъ и Москва въ 1812 году". *М. А.*

XIII. *Дормана.* Ц. 10 к.

XIV. „Москва въ огнѣ". (Историческій очеркъ изъ временъ Отечественной войны). *А. Левшина.* Ц. 5 к.

XV. „Въ плѣну у малышей" *А. Левшина,* съ рисунками худ. П. Першина. Цѣна 3 коп., сотня 2 руб. съ пер.

XVI—XIX. „Общій очеркъ Отечественной войны". 4 выпуска по 1 коп. каждый.

XX. „Отечественная война въ русской поэзіи" *Б. Назаревскаго.* Ц. 10 к.

XXI. „Конецъ великой арміи и ея погубители" Истор. очеркъ А. Левшина. Ц. 5 коп.

XXII. „Дни юбилейныхъ торжествъ. На поляхъ Бородина" *С. Шафрова.* Ц. 10 к.

XXIII. „Дни юбилейныхъ торжествъ. Въ Первопрестольной Москвѣ и въ древнемъ Смоленскѣ" *С. Шафрова.* Ц. 10 к.

XXIV. „Партизаны въ Отечественную войну" *А. Левшина.* Ц. 5 к.

Для школъ, войсковыхъ частей, попечительствъ трезвости и книгопродавцевъ, выписывающихъ изданія въ большомъ количествѣ, соотвѣтствующая скидка.

Съ требованіями обращаться въ контору журн. „Вѣстникъ" Москва, Ермолаевскій пер., д. кн. Эристова.

ТИП. РУССКАЯ ПЕЧАТНЯ, МОСКВА, ТРІУМФ.-САДОВ. № 70.